

ЕЛЕНА ФАРБА
ЖЕЛАНИЯ

КОРОТКАЯ ПОВЕСТЬ

Вся моя жизнь — это просто истории.

Те истории, которые я себе о ней рассказываю.

Они про то прошлое, которое было и которого никогда не было.

Это прошлое было только во мне и только для меня.

Они — это та я, какая я сейчас, прямо сию секунду.

Завтра я буду другой, и они станут другими.

Они меняются в зависимости от моего настроения, от отношений к тем или иным людям, даже от времени года.

Иногда эти истории полны юмора.

Иногда — наоборот.

Вот так живешь-живешь, а получается сборник рассказов «Про жизнь».

Пролог

— **С**вой путь — это когда ты делаешь то, что хочешь делать. И не делаешь того, что делать не хочешь, — написал Леське друг.

— Как же, прямо вот так, на том, что ты хочешь, строить свою жизнь?!..

— Не понял вопроса, а на чем же тогда строить, на планах партии и правительства?

— Но с чего же начинать, не понимаю. Как понять, чего я хочу.

— Начинать с того, что делать не хочешь. И не делать этого. Опора просто железобетонная.

Глава 1

СМУТНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Леська наверняка могла сказать, что появилась осенью. Причем глубокой и безлистой. Наверное, поэтому она ее так волновала. А может, и не поэтому.

Мама с папой появления Леськи не ожидали. Просто две недели в микрорайоне на окраине Таллина, где жили Леськины родители, не было света... Поэтому спу-

стя время там народилось множество Свет и Лен. И еще Леська.

Таллин Леська помнила. Хотя, когда родители с братом и Леськой переехали в Калининград, ей и года не было. Психология не в состоянии объяснить этот феномен. Леська точно помнила Таллин. Помнила сыроватый пасмурный воздух, аллею с осенними деревьями, особый пряный запах. И еще что-то такое, чему больше всего подходит слово «дух»... Она помнила дух этого города. И когда оказалась там спустя двадцать пять лет, сразу вновь его узнала.

Еще смутно она помнила Калининград. Они с братом получили в подарок замечательные пузатые самолеты. Он — синий побольше. Она — красный поменьше. Самолеты были просто обалденные, держать в руках их было необычайно приятно. Леська помнила это чувство — самолет в руке. Прохладная пластмасса касается ее пальцев и ладони. А самолет такой большой и такой красивый. И если посмотреть на него, сразу понятно, что он летает. Это очень понятно. Сразу видна вся особенная тайная страна, где летает ее пузатый красный самолет. У него обязательно есть лицо, он разговаривает мальчишеским голосом, немножко с басцей... А она, Леська, сидит в кресле пилота, и на ней большие защитные очки и специальная одежда. Ветер и солнце бьют в лицо. Внизу сочно-зеленые деревья и разноцветные домики.. Ух, красота!

Родители переехали из Калининграда, когда Леське было два года.

До того как их семья поселилась в восьмом доме, в Подмосковье, Леська мало что помнила. На первый взгляд, конечно. Просто то, что она помнила, было довольно мучительно. Родители хлопотали с переездом, Леську определили в ясли, перетекающие в сад. Мама го-

МОЙ САМЫЙ ВТОРОЙ: ШАНС ИЗМЕНИТЬ ВСЕ

ворила, что там она сидела, качалась и орала басом на одной ноте. Так она могла сидеть, качаться и орать часами. Единственное светлое воспоминание, которое у нее запечатлелось с той поры, — это была чудесная тететька по фамилии Пирожкина. Вообще-то она была Рожкина, но Леська свои особенные доверительные чувства к ней могла выразить одним только способом. Всякий раз, разговаривая с мамой об Але Рожкиной, называть ее Пирожкина... Это была мамина подруга, которая работала в саду, в группе Леськи. Мама работала в том же саду, но не могла по правилам сада быть вместе со своей дочкой. В общем, когда с Леськой была Пирожкина, она переставала горевать и даже немножечко играла.

По маме Леська все время тосковала. Леське больше всего на свете хотелось быть с мамой. Мамы всегда не хватало. Леська боялась ее рассердить, огорчить. Радовалась, когда мама была с ней и была ей рада. Но все равно это почему-то казалось временным и ненадежным. Вот сейчас мама уйдет. Вот сейчас рассердится.

Мама часто сердилась или бывала чем-то расстроена. Мама свободолюбивая, она не могла терпеть советскую реальность. Каждую незначущую ерунду приходилось выстаивать часами в очереди, выписывать заявлениями, выпрашивать знакомых... Леська помнила, что та жизнь была как накрытая крышкой кастрюля. Все время мало света, пасмурно, резкие голоса, вызывающие к совести, ранние холодные вставания, растянутые на коленях колготки. Леське от мамы передался вкус в смысле эстетики. Ее эстетическое чувство надрывалось от цвета стен в поликлинике, от вида домов, от одежды, от лиц... От всего. Просто от всего...

Леська жила в своих историях, стараясь поменьше соприкоснуться с реальностью. Папа часто бывал в командировках и привозил из командировок книги. Для Леськи

он привозил сказки, конечно. Больше всего Леська любила «Сказки народов мира». Особенно восточные. Пери и дэвы, роскошь и красота приводили ее в полный восторг. Еще Леська любила сказки про принцесс. Но странно. Ощущала-то она себя только и исключительно принцессой в смысле внешней красоты и внутренней исключительности, а вот жила жизнью и приключениями главного героя, то есть мужчины. А хотя, что странного? В жизни принцесс до и после кульминационного момента с женихами ничего интересного-то и не было. А вот у самого главного жениха жизнь была что надо! Вот тебе приключения, вот тебе путешествия, открытия, победы, новые знакомства! Кстати, Леська само слово «женях» почему-то произносила как «нежих»...

Еще Леська обожала играть в кубики. Они были разноцветные, деревянные, довольно большие и складывались в большой зеленый деревянный ящик из-под чего-то. Все вещи в те времена были... как бы сказать, многофункциональные. Когда освобождался ящик, он не выкидывался, ему находили новое применение. И это было здорово, когда оно, это новое применение, находилось и было уместным. Так вот, в зеленом ящике из-под чего-то хранились Леськины кубики. Она сама или вместе с братом могли из них сделать что хочешь. Хочешь замок, хочешь дом, хочешь — что хочешь...

Еще была настольная игра, в которую они играли всей семьей, путешествие по какому-то необыкновенному Лукоморью. Еще была любимая книга, в которой герои запрыгивали внутрь марок и попадали в нарисованные обстоятельства. Диафильмы и чтение перед сном. Целый мир в книге с рисунками Херлуфа Бидструпа. Гости по выходным и обязательно предшествующий их приходу волшебный саксофон Фаусто Папетти...

Все это было прекрасно.

МОЙ САМЫЙ ВТОРОЙ: ШАНС ИЗМЕНИТЬ ВСЕ

Плохо только, что некоторые сказки были страшными. Особенно плохо, если их показывали по телевизору. Леська помнит, когда впервые испытала настоящий ужас и совсем не смогла спать ночью. Тогда вечером они всей семьей посмотрели немецкий телеспектакль «Карлик Нос». Вид уродливого карлика и мешок с отрубленными головами вместо капусты на протяжении многих лет преследовал Леську в темноте... Она бежала к родителям, укладывалась к ним под бок и только тогда спокойно засыпала. Да, эта беготня по ночам продлилась очень долго... А когда Леська оказалась замужем, возможность на законном основании спать у кого-то под боком ее очень радовала.

Глава 2 ВОСЬМОЙ ДОМ

Восьмой дом, куда Леськина семья переехала в ее три года, ей нравился. Он был маленький, трехэтажный, трехподъездный, светло-желтого цвета старинного особняка. Вокруг дома было много зелени, деревьев. Окна затеняли кусты, а справа от дома начиналась липовая аллея. И когда весной цвели липы, дурман-запах тек по улице, проникая даже в квартиру Леськи.

Сама квартира, правда, была сыровата. Из окон в холодные дни ощутимо дуло. Леська помнила, как они болели вместе с братом. Если кто-то из них заболел, неизбежно через пару дней заболел другой. Но это их скорее радовало, болели они со вкусом. Прямо скажем, с удовольствием. Можно было лежать, ничего не делать, никуда не ходить. Читать книги, играть в игрушки. А потом вообще стало можно телевизор смотреть. В восьмом доме телевизоров было уже два. Потом их становилось

все больше. Леськин папа увлекался техникой. И у него все работало, даже самое неисправное. Правда, все работало не ахти, и без папы обязательно начинались какие-то сложности с техникой. А потому что она слушалась только его: техника ведь не дура, знает, кто ее любит и кормит. А папа и любил, и кормил своим вниманием, заботой. Иногда вечерами папа паял. Паяльник — это такая железная длинная штука на деревянной ручке с электропроводом. Когда паяльник подключен, железная штука раскаляется и окунается в специальную паяльную смолу. Конечно, называется эта субстанция как-то по-другому. Назовем ее смолой для простоты. Она, эта смола, когда холодная, твердая как камень. А когда ее касаются раскаленным паяльником, становится тягучей. Очень красивая, янтарного цвета. Вечерами, когда папа брался паять, комната наполнялась густым синим дымом...

У брата с Леськой там была своя комната, у родителей — своя. Но вообще-то это была коммуналка. То есть в их квартире была еще одна неведомая комната, принадлежавшая совсем чужим людям. Но эти люди почти никогда в ней не жили, она стояла закрытая. В ванной, кухне, туалете, коридоре на не вполне законных основаниях царствовала Леська. Ну, и вся ее семья тоже.

Еще по соседству, кажется, на втором этаже, жила бабушка. Как ее звали, Леська уже и не вспомнит. Бабушка была очень добрая. Очень. В ней была какая-то особенная доброта, вместе с мудростью. Она любила Леську. Сейчас вот это кажется каким-то странным и даже натянутым. Ну с чего это чужой бабушке любить постороннего ребенка? Но тогда Леське это не казалось странным, а очень даже естественным. Когда ее любили, это было хорошо, приятно, но совершенно естественно. Кстати, так и до сих пор...

МОЙ САМЫЙ ВТОРОЙ: ШАНС ИЗМЕНИТЬ ВСЕ

Леське нравилось, что жили они на первом этаже. В окно было видно улицу, играющих ребят, двор, подалее — дом, в котором жил мальчик Денис. Он нравился Леське, потому что был похож на мальчика Кристофера из книжки про Карлсона, как его нарисовал художник. Он казался Леське очень красивым. Спустя десять лет этот мальчик влюбится в Леську и будет за ней ухаживать. Леська не ответит ему взаимностью. А потом еще лет пятнадцать он не женится... В общем-то, и сейчас он еще не женат.

Брат часто, но неохотно брал с собой Леську гулять. Мама ему велела, поскольку старший. А Леське очень нравилось гулять с братом и играть во всякие мужские игры. В ножички, салки, сифы и все остальное. Правда, она себя чувствовала чужой. Наверное, потому что брат тяготился ею. Она же была маленькая, не могла так быстро бегать, как вся орава мальчишек. Брату приходилось ее тащить, а самому опаздывать к игре...

В один из годов брат неимоверно превзошел Леську во всех смыслах. Он пошел в школу. Школа была буквально в соседнем доме. Но брата все равно нужно было водить через гарнизонную проходную и дорогу. Эта проходная, кстати, почему-то сильно волновала Леську. Что-то неведомое, прекрасное было в том, чтобы выходить за территорию...

Когда брат пошел в школу, Леське исполнилось пять лет. Время, когда они вместе ходили в детский сад, только в разные группы, закончилось. Это было грустно. Леське нестерпимо хотелось в школу. Именно в ту, куда пошел брат. Вообще ей все хотелось, как у брата. Но получалось только с одеждой, которую Леська с гордостью donaшивала. Брат ревностно охранял все свое от Леськиных посягательств. А когда пришло время и все его друзья по очереди стали влюбляться в Леську, вызывал приятелей

на разговор и говорил свирепо: «Это моя сестра!» Ухажеры пугались и ретировались.

Вообще привычка задвигать то, чего очень сильно хочется, куда подальше, начала появляться у Леськи ужасно рано. Можно только предполагать, что ее останавливало. Например, то, что «неправильные» желания могли расстроить маму. И не могли бы, а точно расстраивали. Мама гордилась, что у нее дети воспитанные, ничего не просят. Но, положив руку на сердце, Леське сложно было удержаться от просьб.

Была ли Леська счастливой тогда, в восьмом доме? Хотя она любила восьмой дом, Леська не была счастлива. Ей как-то нелегко жилось. Она была как будто чужой и ненужной. Хотя точно знала, что родная и нужная. Но чувствовала себя неправильной. А свои желания — глупыми и никчемными. В характере Леськи таинственным образом сплелись воедино могучая тяга к правде, справедливости, за что соседи прозвали ее прокурором, и скрытность в той части, что касается самой ее, живой и настоящей. Когда Леське хотелось конфетки, она не могла просто подойти и взять ее. Ей было стыдно. Зато могла лет до пяти взять ее втихаря и спрятать фантик. А после пяти лет и этого уже не могла. Потому что поняла, что так поступать еще стыдней. Могла только мечтать о том, как пойдет и возьмет. И ждать, что конфетка волшебным образом попадет к ней.

Вот так Леська стала терять свои желания. Она их имела, но не исполняла. Желания накапливались и давили на нее всей своей неистраченной силой изнутри. Но Леська ничего не могла поделать. Она не умела идти по дороге своих желаний. А, значит, по своей дороге. И она брела, спотыкаясь, распевая бравурные песенки, которые другие хотели от нее слышать.

МОЙ САМЫЙ ВТОРОЙ: ШАНС ИЗМЕНИТЬ ВСЕ

В восьмом доме у Леськи случились чудесные мурашки. Однажды сбоку дома, на скамейках около песочницы, собрались ребята, мальчики и девочки. Леська была самой младшей. Одна девочка усадила Леську на скамеечку и стала делать ей прическу. Когда она расчесывала длинные Леськины волосы, по спине у Леськи бежали та-акие приятные мурашки, что она вся размякла и сидела в блаженстве. Забавно, прошло много лет со времен той песочницы, и кто-то придумал такую штуkenцию, похожую на раскрытый венчик для взбивания яиц. Называется этот агрегат «массажер Мурашка». Так вот, если им поводить по голове, особенно если не себе, а другому и неожиданно, начинаются те самые прекрасные мурашки. С тех пор Леська нашла способ прийти в гармоничное состояние. Просто нужно найти мягкую женственную парикмахершу, которая будет легко, без нажима, расчесывать, стричь, оживляя Леськины кудряшки и заодно пугливые мурашки.

В восьмом доме им с братом всегда читали на ночь... А еще они баловались все вместе, всей семьей. Особенно с папой. Он очень любил смешить или щекотать. Там же они с братом научились читать, и зачитали от души! Полюбили это дело. Леська уже в четыре года бегло читала про себя. Что? Конечно, сказки, что же еще. Брат же читал все подряд. Это не художественное преувеличение. Он читал все подряд. Что попадалось под руку, то и читал. Инструкция к миксеру или радиоприемнику, фантастика, классика, исторические книги, журналы... Сейчас выросший брат не перестает поражать свою жену внезапными энциклопедическими знаниями на абсолютно непредсказуемые темы...

Вообще Леська уже в восьмом доме поняла, что у нее особенная семья. Она ей очень гордилась. Все в семье

были очень умные и образованные. Любой ее вопрос находил четкий и развернутый ответ. Правда, просто так показывать свои знания считалось некультурным и называлось «умничать».

Глава 3

ПОЛЕТ

У Леськи была эльфийская природа. Ну то есть она не была эльфом. Потому что она — человек. Живой и вполне нормальный. Но в ней было куда больше воздуха, чем земли или, скажем, воды... Часто она видела в полусне, как летает. И это действительно были как будто не совсем сны, ощущения совершенно реальные. Она чувствовала, что летает. Поднимается то выше, то ниже, разглядывает с высоты свой город... Особенно почему-то часто Леська видела, как перелетает через широкую реку, попадает в вихревой поток и скользит по воде...

Но это все на грани реальности и иллюзий. А в жизни Леська просто отличалась легкостью. Легкостью на подъем, она готова была ехать-скакать при первой возможности куда подальше; легкостью в идеях, тягой к творчеству во всех его проявлениях. Наверное, именно эти качества привлекали к ней людей, вовлекали в ее идеи, как ее саму в тот самый вихревой поток. Вихрь кружил голову мужчинам и женщинам. Но то, что мужчинам, конечно, приятнее...

К сожалению, в своей чистоте и первозданности ее воздушная природа проявлялась не так уж часто. Сдерживали-искажали ее, конечно, они, страхи. А страхов у Леськи было предостаточно. На любую тему, какую ни возьми. И тогда ветер останавливал свое движение, замирал, воздух начинал застаиваться. Эту внутреннюю